

СИСТЕМНЫМ КУРЬЕР

5

СЕРГЕЙ РЕАЛОВ

Сергей Реалов

Системный курьер - 5

«Автор»

2026

Реалов С.

Системный курьер - 5 / С. Реалов — «Автор», 2026

Кирилл Воронов, создатель крупнейшей службы доставки, погибает от отравленного заказа — и просыпается в теле девятнадцатилетнего курьера Льва. Вместо пентхауса — разгромленная квартира, долги и опасные собутельники. Вместо власти — старый велосипед, больное тело и приложение собственной компании, которое теперь диктует сроки ему. Таинственная система обещает награды за выполненные задания, но чудес не дарит: каждый рубль, маршрут и союзника приходится добывать трудом. Используя опыт бизнесмена, Кирилл начинает строить жизнь заново — с первой доставки, первого клиента и первого честного договора. Это история второго шанса, бизнеса снизу и настоящей человеческой логистики. Но кто убил его, почему выбрали именно Льва и можно ли вернуться к дочери?

© Реалов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Реалов

Системный курьер - 5

Курьер с Рублевки
Том 5

Глава 1

Пятница началась с непривычной тишины тела. Я не чувствовал острой боли, но рука долго не хотела отрываться от матраса, а первый глубокий вдох пришлось добирать двумя короткими. Прежде чем вставать, я открыл вчерашний журнал нагрузки: пять смен подряд превратились в конкретный долг восстановления.

Пять дней подряд изменили вход пятницы: прежде чем открыть приложение, я проверил пульс, зрение, плечо, пятку и способность спокойно встать. Каждый результат получил строку; сегодняшний маршрут должен был строиться из них.

Пятка отзывалась тупой ровной болью. Кулак не закрылся до конца, а плечо гудело до основания черепа. Я записал три ограничения отдельно и отменил утренний тяжёлый груз: одинаковое слово «усталость» больше не скрывало разные риски.

Острых сигналов не было, зато пульс в покое держался выше вчерашнего, а обе икры отзывались одинаковой тупой тяжестью. Я записал эти два числа и сократил утренний предел: молчаливая усталость больше не получала права притворяться отсутствием проблемы.

Я поднял торс, спустил ноги и сел на край матраса. Холод пола свёл пальцы, вдоль позвоночника прошла тугая боль, и ладони пришлось оставить по обе стороны тела, пока спина не позволила выпрямиться.

— Пять дней, — сказал я вслух, и голос вышел хриплым спросонья. — Пять дней без единого полного выходного. Сегодня — контроль, а не рекорд.

Я поднялся, держась за стену. На восьмом счёте перед глазами ещё плыло, поэтому прежних десяти оказалось мало; только на пятнадцатом я отпустил ладонь. В журнале появилась новая граница: утром не двигаться дальше, пока зрение не станет устойчивым.

Я сварил овсянку с бананом и орехами, съел без спешки и выпил три стакана воды небольшими глотками. После еды пульс вернулся к утреннему уровню; только тогда я отметил завтрак выполненным и начал собираться.

Третий стакан ушёл на сушилку. Я сократил общий километраж, снял тяжёлый одиночный адрес и оставил два маршрута с паузой между ними. Восстановление вошло в рабочий день конкретным расписанием.

Я сел за стол с тетрадью и раскрыл её на последней строке.

— Касса утра пятницы, — сказал я вслух. — Тридцать тысяч шестьсот сорок восемь.

Цифра стояла ровно там, где я обвёл её вчера вечером дважды. Я обвёл её в третий раз, коротким нажимом карандаша, будто закрепляя факт ещё сильнее.

— Внутри — тысяча двести бытового резерва, неприкосновенного, — сказал я. — Остальное — оборотный капитал пяти рабочих дней подряд.

Телефон завибрировал рядом с тетрадью: Виталий прислал фотографию готовой платформы и время, когда мастерская свободна для проверки. Вчерашнее обещание получило конкретное окно, поэтому я сразу перенёс его в начало субботнего маршрута.

— Лев, доброе утро, извини, что рано, — голос Виталия звучал бодро, с той же деловой готовностью, с какой он обычно говорил о механике. — Я просто хотел напомнить про зелёный резервный, раз уж вчера Оксана тебе передавала. Багажник я довёл окончательно, вчера вечером ещё раз подтянул крепления, во дворе прогнал — держит железно. Готов к первой настоящей нагрузке, когда сам решишь.

Виталию не требовались ни ставка, ни диспетчерское окно — только моё присутствие при проверке его работы. Я ответил первым, назначил точное время и уже вокруг него стал раскладывать два клиентских направления.

— Виталий, слышу тебя, — сказал я, вставая из-за стола и подходя к окну. — Резервный велосипед сегодня не тронем. У меня два реальных клиентских маршрута, оба требуют полной концентрации, а обкатка нового груза на новом байке под настоящим клиентским весом — это отдельная задача, которая заслуживает отдельного дня, а не довеска к смене.

— Понимаю, — Виталий не спорил, в голосе не было и тени обиды, только рабочее согласие. — А если завтра с утра? У тебя суббота вроде обычно легче.

Завтрашние решения я оставил завтрашнему телу. В субботнем календаре уже стояла проверка оснастки у Виталия; всё остальное могло войти туда только после вечернего замера пульса и ног.

— Дай мне сегодняшний вечер, скажу точно, — сказал я. — Не хочу обещать тебе слот, а потом сдвигать его в последний момент — это неуважение к твоей работе, а ты вложил в этот багажник не один час.

— Годится, — сказал Виталий. — Просто на всякий случай — он готов, ждёт хоть сейчас, хоть через неделю, крепления не расшатываются.

У двери я проверил графитовые «Скетчерс»: сухая стелька, целый задник, свободные шнурки. Надел их сидя, встал и перенёс вес с пятки на носок; только после этого оставил обувь в пятничном маршруте.

«Пятый день подряд в этой паре, — подумал я, завязывая шнурки крест-накрест и дважды проверяя узел. — Она себя окупила именно сегодня — пятка держится ровно там, где ей положено».

Во дворе я проверил ремни пустого модуля Алины Сергеевны и поехал сначала к Оксане: до кухни нужно было выбрать один из двух офисных вариантов. Чужая оснастка оставалась со мной до конца серии повторов и входила в проверку перед каждым выездом.

Оксана ждала у стойки с двумя открытыми папками. В первой лежали офисные окна, во второй — повторные адреса; напротив моей фамилии она оставила пустую строку и протянула мне ручку, заставляя выбрать до выдачи груза.

— Доброе утро, — сказала она, не поднимая головы от бумаг. — Ты как решил?

— Ещё не решил, — сказал я, слезая с велосипеда. — Хочу разложить оба варианта по фактам, а не по симпатии. Начнём с Алины Сергеевны.

Оксана кивнула, подвинула ближе левую папку.

Оксана положила передо мной карточку Алины Сергеевны: — Она предлагает постоянные возвратные маршруты. Сегодня — композиция на Ленинский к вечерней выставке, но

перенос на субботнее утро контракт не рвёт; я уточнила напрямую. Выбирай слот до звонка, чтобы клиент услышал решение, а не нашу внутреннюю путаницу.

«Первый факт, — подумал я. — У Алины Сергеевны — не критичный срок. Смещаемый без потерь».

— Второй вариант, — Оксана подвинула правую папку. — Игорь Аркадьевич. Звонил без четверти семь утра, что для него самого необычно рано. У него сегодня три комплекта на доставку к вечернему открытию читательского клуба — новая, регулярная линия заказов, которую он хочет закрепить за тобой окончательно, как постоянного исполнителя. Событие — сегодня вечером, в конкретное время, привязанное к трём разным адресам и трём разным людям. Перенести открытие клуба нельзя — это не его личная договорённость, это чужое публичное мероприятие с приглашёнными гостями, датой и афишей, которая уже расклеена.

Я достал тетрадь и начал записывать факты в две колонки.

— Алина Сергеевна, — сказал я, водя карандашом. — Плановая точка, не привязанная к внешнему событию, переносима на завтра без потерь для неё и без штрафа клиенту. «Листок» — три комплекта, привязанные к чужому публичному мероприятию с фиксированным временем, не переносимому в принципе, потому что мероприятие не наше.

— Именно так я это вижу, — сказала Оксана. — Не по симпатии, а по факту: у одной есть запас времени, у другого его нет вовсе.

Я отметил несдвигаемое: лекарство к часу и согласованный приём у клиента. Цветочную композицию можно было перенести без порчи и штрафа, если договориться сейчас. Две колонки превратились в решение, а не в красивую мысль.

— Беру «Листок», — сказал я. — Алине Сергеевне перенос на завтра, на субботу, без штрафа и без доплаты — ей нужно услышать это от меня лично, не через тебя, чтобы она знала, что решение принято с уважением к её графику, а не формальной отпиской через диспетчера.

Оксана посмотрела на меня коротко, с той же одобрительной прямоотой, с какой обычно кивала на верно посчитанную арифметику.

— Правильно, — сказала она. — Я дам тебе её прямой номер, если своего ещё не сохранил.

— Сохранён с понедельника, — сказал я, убирая тетрадь.

— Тогда сначала звони ей, потом к Игорю Аркадьевичу, — Оксана закрыла обе папки. — Офисы у тебя сегодня, кстати, тоже в обычном режиме, Виктор Аркадьевич и Константин Павлович оба на месте, без сюрпризов с этажами, я уже проверила по обоим номерам этим утром.

— Значит, порядок дня такой, — сказал я, вставая. — Сначала звонок Алине Сергеевне, потом офисы, потом «Листок» — там объём большой, нужен весь остаток дня и весь остаток сил.

Я отошёл в сторону, к низкой ограде двора, достал телефон и набрал номер, который сохранил ещё в понедельник под именем «Алина Сергеевна — студия».

— Алина Сергеевна, доброе утро, это Лев, — сказал я, когда она ответила после третьего гудка. — Звоню сам, не через Оксану, потому что хочу, чтобы вы услышали это лично, а не строчкой в чужом пересказе.

— Слушаю, — в её голосе была настороженная готовность, будто она уже приготовилась к неприятной новости.

— У меня сегодня столкнулись два реальных заказа в один день, — сказал я прямо, без предисловий, которые обычно тянут время, чтобы смягчить удар, но на деле только удлиняют тревогу собеседника. — Ваша плановая точка на Ленинском и новый регулярный маршрут «Листка», привязанный к вечернему открытию читательского клуба сегодня — событие с фиксированным временем, которое я не могу перенести, потому что это не моя договорённость

и не договорённость Игоря Аркадьевича, а чужое публичное мероприятие. Ваша точка, как я понимаю, плановая, без жёсткой привязки к внешнему событию.

Пауза на другом конце длилась секунды три — я слышал, как Алина Сергеевна что-то передвигает на своём рабочем столе, судя по глухому стуку.

— Верно, точка плановая, — сказала она наконец, и в голосе не было раздражения, только короткая деловая проверка собственного графика вслух. — Но у меня не бесконечный запас дней, Лев, у меня тоже расписание, и если вы завтра снова окажетесь заняты, композиция простоит лишний день, а лилии в ней уже начинают открываться, им нужна витрина не позже субботы вечером.

«Она защищает свой график, а не капризничает, — подумал я, слушая её внимательно, не перебивая. — Это разумное возражение, а не эмоция, и оно заслуживает конкретного ответа, а не общих извинений».

Я открыл календарь студии и поставил новый слот при собеседнице: — Завтра приезжаю к открытию и до полудня довожу лилии на Ленинский. Цена прежняя, без доплаты и штрафа: перенос предложил я. Подтвердите сейчас — и оба увидим одно время.

Снова пауза, на этот раз короче.

— До полудня в субботу лилии ещё держат форму, это приемлемо, — сказала Алина Сергеевна, и в голосе прозвучало что-то похожее на уважение к тому, что я не пытался её уговорить, а сразу назвал конкретное время. — Хорошо, договорились на завтра, до полудня, цена прежняя. Честно говоря, я ждала, что вы попробуете выкрутиться, не звоня, через Оксану — приятно, что позвонили сами.

Я вернул мастерской тару в назначенное окно и положил рядом подтверждённый новый слот: — Ваш график не обязан платить за мою путаницу. Спасибо, что сохранили каркасы и дали перенести работу без потери для клиента.

— Значит, до завтра, — сказала она и коротко попрощалась, уже явно возвращаясь мыслями к своему рабочему столу.

Я убрал телефон после подтверждения переноса. Лилии больше не висели чужой неопределённостью: у студии был новый слот, у клиента — та же цена, а у меня — обязанность приехать к открытию. Я поставил будильник и только тогда позволил себе выдохнуть.

У велосипеда я отправил Оксане подтверждение первого выбора и клиенту — новый слот второго. Оба решения теперь видели затронутые стороны; только после их ответов я открыл офисный маршрут.

Дорога до кухни Валентины заняла привычные пятнадцать минут. Артём уже ждал у служебного входа, без вчерашнего парня из «Скорохода» рядом, но с чем-то другим в лице — короткой, сосредоточенной хмуростью, которую я сразу отметил как отличную от вчерашней лёгкости.

— Здорово, — сказал он и перехватил меня у двери раньше, чем я успел слезть с велосипеда полностью. Две обычные термосумки ещё стояли внутри кухни, закрытые и пустые; Артём даже не потянулся выносить их до разговора. — У нас тут небольшая петрушка с Виктором Аркадьевичем сегодня, хочу тебя предупредить сразу.

Я поставил велосипед на подножку, отошёл от стола сборки и включил громкую связь, не вмешиваясь в пломбу кухни: — Слушаю. Говорите адрес, груз и крайнее окно — запишу до принятия.

— Заказ на двенадцать порций, как обычно, — сказал Артём, придерживая дверь локтем, пока из кухни вырывался пар. — Только у них сегодня приём на два часа позже обычного из-за внутреннего собрания, а Валентине расписание никто вчера не поменял. Горячее уже подходит к выдаче по прежнему часу; холодную часть она, к счастью, ещё держит в холодильнике несобранной. Если сейчас сложить всё вместе ради одного удобного рейса, горячее потеряет температуру, а салаты получат два лишних часа дороги и ожидания.

Приём сдвинули на два часа, а горячие блюда уже стояли в термобоксе. Я измерил температуру, вернул их кухне и оставил в рейсе только то, что переживало новое окно. Вовремя приехать со испорченной едой больше не считалось выполнением.

— Валентина в курсе разрыва? — спросил я.

— Только что узнала, я ей позвонил пять минут назад, — Артём кивнул на дверь кухни за своей спиной. — Она там сейчас думает, что можно спасти, а что нет.

На кухне Валентина переставляла закрытые судочки между двумя температурными зонами. Один она вернула под лампу, другой поставила к холодным пакетам и только затем подняла глаза: решение уже происходило в её руках.

— Артём рассказал про сдвиг, — я остановился у края раздаточного стола, не касаясь закрытых судочков. — Что можно сделать кухне, чтобы обе партии приехали в своём состоянии?

Глава 2

— Горячие вторые блюда кухня отдаст сейчас отдельной партией, — сказала Валентина, не отрываясь от часов над раздаточным окном. Она сама подняла с подогреваемой линии двенадцать закрытых порций, сверила кухонную маркировку и уложила их в первую обычную термосумку с прогретым вкладышем. Я видел только целые крышки, пломбы и её лист комплектации; ни один пищевой контейнер в мои руки открытым не попал. — Этот вкладыш даст горячему запас на время внутреннего собрания. Холодная партия остаётся в холодильнике. Салаты нарежем и запечатаем перед вторым выездом, иначе сегодняшняя экономия одного рейса завтра окажется воспоминанием у санитарного врача.

Она поставила первую сумку на весы, дождалась, пока стрелка успокоится, и вписала массу в лист. Потом прошла пальцем по двенадцати строкам маркировки: десять обычных порций, две диетические, каждая со своим жёлтым кружком. Артём держал сумку за боковую ручку, пока Валентина затягивала внешний ремень, а я проверил только транспортную пломбу и то, что молния закрылась по всей дуге без зажатого края. Еду проверяла кухня; моя ответственность начиналась с уже собранной и опечатанной партии.

Я вынул горячие судочки из соседства с холодными десертами и записал два времени выезда. Один удобный маршрут портил бы оба продукта; два рейса сохраняли температуру и назначали каждому грузу собственное окно.

— Значит, два захода вместо одного, — сказал я. — Горячее — сейчас, с подогревающим вкладышем. Холодное — вторым рейсом, ближе к фактическому приёму, через два часа.

— У меня получится собрать холодное свежим только через час двадцать, не раньше, — сказала Валентина, взглянув на настенные часы. — Салаты я режу непосредственно перед выездом, не заранее, иначе теряют вид.

— Тогда я сейчас отвожу горячее с вкладышем, — сказал я, принимая за обе ручки опечатанную термосумку. — Возвращаюсь на второй заезд к тому времени, когда у вас будут готовы холодные позиции. Артём, ты со мной первым рейсом или ждёшь второй?

— Я с тобой первым, у меня своя доставка к Константину Павловичу параллельно, — сказал Артём, тоже забирая свой термобокс. — На втором заезде за холодным я не смогу, у меня после офисов другой заказ по расписанию.

— Тогда второй заезд за холодным я беру один, — сказал я. — Не критично, между заездами успею.

Дорога до бизнес-центра Виктора Аркадьевича заняла привычные двадцать минут — сегодня без путаницы с этажами и охраной, лифт работал в обычном режиме, и Наталья встретила меня уже спокойной, без вчерашней рассеянности. На столе временной приёмной она освободила место заранее. Я поставил сумку, показал целую транспортную пломбу и передал кухонный лист; Наталья сама сверила двенадцать строк с внешними наклейками, не вскрывая пищевые контейнеры до назначенного часа подачи.

— Только горячее сегодня первым заездом, — предупредил я, передавая термобокс. — Валентина знает про сдвиг приёма на два часа, холодные закуски привезу отдельно, ближе к фактическому времени, чтобы не портились.

— Ой, а я и не подумала, что термобокс два лишних часа простоит, — Наталья с благодарностью приняла информацию, сверяя количество по списку. — Спасибо, что предупредили заранее, а не привезли всё разом с риском, что кто-то съест несвежий салат.

Я разделил бланк на две строки и дал Валентине подписать обе: — Горячее и холодное поразному переживают ожидание, поэтому получают разные рейсы. Обычная логика становится правилом только после этой подписи.

У выхода я отметил время своей доставки и написал Артёму точку встречи. Его заказ у Константина Павловича закрылся через четыре минуты; после подтверждения мы вместе поехали к диспетчерской, не заставляя одного ждать вслепую.

— Виктор Аркадьевич доволен, — сказал Артём по дороге и, объезжая лужу, поднял локоть, предупреждая меня о выбоине следом. — Сказал, что впервые кухонный сбой не замаскировали словами «термосумка всё выдержит», а разделили по времени до того, как салат успел познакомиться с горячей стенкой.

Я поставил перед Валентиной оба подписанных бланка: — Это её решение по продукту. Я только разделил перевозку на два рейса и отвечаю за то, чтобы оба окна выдержали.

У стойки Оксана приняла первый бланк, но кассовый ящик оставила закрытым.

— Рассчитаю офис целиком после холодной партии, — сказала она, вкладывая горячую карточку в прозрачный карман. — Один заказ, два физических заезда из-за времени подачи, одна выплата после полного результата. Иначе к вечеру мы обе половины вспомним как две разные победы и начнём плодить деньги из хорошей памяти.

— Согласен, — сказал я, подтягивая ремень пустой сумки. — Пока холодное не принято, офисная работа остаётся открытой.

На кухне Валентина уже резала зелень длинным тонким ножом. Она смешивала каждую порцию отдельно, чтобы диетические салаты не попали под общую заправку, затем помощница ставила крышку, клеила жёлтый кружок на две нужные позиции и переносила контейнер в охлаждённую обычную термосумку. Я ждал у порога, пил воду из кухонного стакана и не торопил руки, от которых зависел вид двенадцати порций. Когда последняя пломба легла ровно, Валентина сама пересчитала строки и только тогда подала мне обе ручки.

Второй заезд занял ещё сорок минут. На этот раз Наталья отвела меня прямо в служебную холодильную комнату рядом с переговорной. Она сверила внешние наклейки, коснулась ладонью прохладной стенки сумки, расписалась под второй частью поставки и, прежде чем закрыть дверь холодильника, показала мне две полки: горячая партия ждала в отдельном шкафу-подогревателе, холодная стояла в холоде. Два рейса остались двумя реальными дорогами, а не словами о том, как было бы хорошо разделить температуру.

У стойки Оксана положила рядом оба бланка — горячий и холодный — и только теперь открыла кассовый ящик.

— Итого офисы закрыты полностью, — сказал я, наблюдая, как она отсчитывает одну выплату в две тысячи пятьсот рублей. — Один заказ Виктора Аркадьевича, двенадцать обедов, два заезда по физике продукта. В кассе дня — одна офисная строка.

— Именно, — Оксана подвинула купюры и дождалась моей подписи напротив общей суммы. — Две тысячи пятьсот. Время съели полтора часа, зато ни горячее, ни холодное не заплатили за чужое позднее предупреждение.

— Зато без единой испорченной закуски, — сказала Оксана, закрывая кассовый ящик после моей подписи. — Виктор Аркадьевич будет рассказывать об этом три недели, я его знаю.

Я взглянул на часы — время близилось к полудню, а впереди ещё лежал весь маршрут «Листка», объёмом больше, чем что-либо из того, что я делал за последнюю неделю.

После офисов ноги налились тяжестью, но пульс вернулся в рабочий коридор за три минуты. Я показал замер Оксане и принял «Листок» с условием одного адреса без добавочного груза: резерв стал ограниченным действием, а не самоубеждением.

Я купил в киоске у диспетчерской бутылку воды и пирожок с картошкой — потратил ровно сто восемьдесят рублей, съел стоя у велосипеда, не тратя времени на долгий перерыв, и покатил в сторону книжного магазина Игоря Аркадьевича.

Колокольчик над дверью звякнул так же коротко, как в прошлые визиты. Игорь Аркадьевич стоял за прилавком, разложив перед собой не одну, а сразу три стопки бумаг, и поднял голову с той же характерной смесью серьёзности и тёплой узнаваемости.

— Лев, наконец-то, — сказал он, выходя из-за прилавка. — Сегодня у нас с тобой настоящая работа, не сравнить с прошлыми разами. Три адреса, один вечер, одно общее событие.

— Слушаю все детали, — сказал я, доставая тетрадь.

— Сегодня вечером открытие читательского клуба «Северное сияние», — начал Игорь Аркадьевич, разворачивая на прилавке лист с программой мероприятия, отпечатанный на обычном принтере, но с аккуратной вёрсткой, явно составленный организаторами события. — Клуб организует независимый культурный центр на Малой Бронной вместе с районной библиотекой и книжным кафе неподалёку — три площадки одной программы, три разных момента вечера. В культурном центре в семь часов вечера — торжественное открытие с речами и первым чтением. В библиотеке в половину восьмого — встреча клуба с местными жителями, запись новых участников. В книжном кафе в восемь — фуршет и неформальное общение гостей.

— Три адреса, три времени, — повторил я, записывая в тетрадь. — Что везу на каждый?

— На культурный центр — представительский комплект для организаторов, — Игорь Аркадьевич подошёл к прилавку, где уже стояла первая упакованная коробка. — Открой, посмотри.

Я откинул крышку. Внутри лежал плотный набор: три экземпляра подарочного издания в твёрдом переплёте, перевязанные лентой, рядом — латунная памятная табличка с гравировкой названия клуба и датой открытия, и отдельно, в защитной плёнке, свиток из плотной бумаги, перевязанный шнуром — программа вечера в каллиграфическом исполнении, судя по всему, для церемониального вручения на сцене.

— Табличка и свиток — хрупкая, острая по краям латунь и накатанная бумага, которая боится сырости, — сказал Игорь Аркадьевич, забирая у меня коробку обратно, чтобы показать способ упаковки. — Книги — обычный вес, но их три, и это первая точка вечера, значит, эта коробка едет первой в отсеке.

Он аккуратно переложил всё внутрь тонким слоем упаковочной бумаги, разделяя предметы друг от друга, и закрыл крышку на две защёлки.

— Товарная ценность комплекта отдельно от доставки — двадцать две тысячи рублей, это стоимость самих предметов, страховая цифра на случай повреждения, — сказал он, протягивая мне накладную. — В неё входит подпись представителя культурного центра при получении.

— Второй адрес, — сказал я, убирая первую накладную во внутренний карман чехла.

— Библиотека, — Игорь Аркадьевич повернулся ко второй, более широкой и плоской коробке. — Комплект для фондового пополнения: двадцать пять экземпляров книг для постоянной библиотечной коллекции клуба, упакованных в два перевязанных блока по стандарту библиотечной поставки, плюс отдельный конверт с документами о передаче — акт дарения, накладная фонда, список названий построочно. Библиотекарь обязан сверить каждое название по списку до подписи, у них так заведено для любого пополнения фонда, даже дарёного.

Я заглянул в конверт, который он протянул отдельно, — список из двадцати пяти строк, каждая с названием книги, автором и годом издания, напечатанный убористым шрифтом.

— Два блока взвешивали? — спросил я, придерживая ладонью край широкой коробки. — Двадцать пять книг могут оказаться и десятью килограммами, и двадцатью. При сегодняшней пятке и плече я приму маршрут только с измеренной массой и грузовым креплением на велосипеде.

Игорь Аркадьевич выкатил из-за прилавка напольные посылочные весы. Мы подняли первый перевязанный блок вдвоём, поставили его точно по центру платформы и дождались неподвижных цифр: семь килограммов двести граммов. Второй показал семь килограммов пятьсот граммов. Игорь записал обе массы рядом с соответствующими двенадцатью и тринадцатью названиями в фондовом списке.

— Четырнадцать семьсот только библиотечные книги, — сказал я. — Теперь остальные комплекты.

Три подарочных издания потянули на килограмм восемьсот, коробка с латунной табличкой и свитком — на килограмм четыреста, набор кафе с десятью сборниками, карточками и разобранной стойкой — на четыре килограмма восемьсот. Общая масса груза составила двадцать два килограмма семьсот граммов. Я вписал каждое число в свою накладную: стоимость говорила, за что отвечаем, а вес — как именно это можно везти.

— Товарная ценность комплекта библиотеки — восемнадцать тысяч рублей, — сказал Игорь Аркадьевич. — Третий адрес — книжное кафе.

Он подошёл к последней, самой компактной коробке, перевязанной ленточкой другого цвета — бордовой, в отличие от синей на первых двух.

— Здесь фуршетный сет для литературной части вечера, — сказал он, приоткрывая крышку. — Не еда, это готовит само кафе своими силами, а именно литературная часть: комплект карточек с цитатами для интерактивной игры гостей, десять экземпляров сборника малой прозы местных авторов для раздачи участникам клуба, и небольшая переносная стойка-подставка для книжной выкладки на стойке бара — она разборная, три части, я собрал их вместе, но она хрупкая на стыках креплений.

— Товарная ценность — семь тысяч рублей, — сказал я, глядя на накладную, которую он уже держал наготове.

— Именно, — подтвердил Игорь Аркадьевич. — Итого три комплекта, сорок семь тысяч рублей товарной ценности, отдельно от твоей доставки — это не твоя ответственность деньгами, но это то, что ты физически везёшь, и это должно приехать целым.

Я разложил накладные по порядку — синяя, вторая синяя, бордовая — и убрал их во внутренний карман чехла, туда же, где обычно лежали документы дня.

— Тариф, — сказал я. — Три тысячи рублей оборота, комиссия Оксаны триста, чистыми мне две тысячи семьсот — так было согласовано в прошлый раз для регулярного маршрута.

— Именно так, без изменений, — Игорь Аркадьевич кивнул. — Ожидание и подъём входят в цену, доплаты после выезда нет.

Он на секунду замолчал, глядя на три коробки на прилавке, потом взял со стола ещё один лист — отдельную, свежую распечатку программы вечера.

— И вот здесь, Лев, я хочу, чтобы ты посмотрел вместе со мной, прежде чем поедешь, — сказал он, разворачивая программу передо мной. — У меня расхождение, которое я заметил только сегодня утром, когда сверял ярлыки с финальной версией программы, а не с черновой, по которой собирал комплекты вчера вечером.

Глава 3

В бланке стояло одно время, в сообщении получателя — другое. Я положил их рядом, остановил принятие заказа и набрал обе стороны по общей связи: расхождение должно было закрыться до того, как колёса превратят его в моё опоздание.

— В финальной программе, — Игорь Аркадьевич провёл пальцем по строке, — торжественную табличку вручают не в культурном центре на открытии, как я думал вчера, а в библиотеке — там, оказывается, будет присутствовать глава районной управы, и организаторы решили, что церемониальное вручение таблички логичнее провести при нём, в присутствии местных жителей, а не в узком кругу на открытии. А вот книги для фондового пополнения, которые я упаковал для библиотеки, по этой же финальной программе на самом деле нужны сегодня в культурном центре — их хотят выставить на отдельном столе прямо на открытии, как демонстрацию будущей библиотеки клуба, а в саму библиотеку они физически переедут только через неделю, отдельным неспешным визитом.

Я посмотрел на ярлыки на коробках — синий с надписью «Культурный центр» лежал на коробке с книгами и памятной табличкой вместе, синий с надписью «Библиотека» — на коробке с фондовыми книгами.

— То есть табличка должна ехать не с книгами культурного центра, а отдельно, в библиотеку, — сказал я, разбирая расхождение вслух, чтобы зафиксировать точно. — А фондовые книги, которые сейчас упакованы под библиотеку, должны ехать в культурный центр, на выставочный стол, а библиотека сегодня их вообще не получает.

— Именно, — Игорь Аркадьевич потёр переносицу. — Черновая программа и финальная разошлись, а я упаковывал по черновой. Хорошо, что заметил утром, а не когда ты уже был бы на полпути.

— Ярлыки нужно переставить сейчас, здесь, до того как я возьму коробки, — сказал я. — Я не вскрываю запечатанные комплекты на дороге — это не моя часть решения, только приёмка и физический перенос.

— Разумеется, я сам всё переупакую заново, — Игорь Аркадьевич уже снимал ленту с первой коробки. — Дай мне десять минут, ты пока проверь маршрут по адресам, чтобы время в пути не терялось зря.

Пока Игорь Аркадьевич отделял табличку от книг и заново подписывал коробки, я у окна перестроил порядок адресов. Библиотечная коробка пошла первой, культурный центр — следом; исправленные подписи я внёс в тетрадь до погрузки.

— Готово, — сказал он через пятнадцать минут, чуть дольше обещанного, но без спешки, которая могла бы привести к новой ошибке. — Теперь все три комплекта соответствуют финальной программе. Культурный центр получает книги в подарок для открытия и три экземпляра издания с лентой, библиотека получает памятную табличку и свиток для церемонии с управой, кафе получает фуршетный литературный набор без изменений.

Я сверил новые ярлыки с новыми накладными, которые Игорь Аркадьевич тоже переписал заново от руки внизу, пометив расхождение как согласованное с организатором по телефону, — короткий звонок, который он сделал, пока перекладывал коробки, и который я слышал краем уха: голос женщины на другом конце подтверждал именно ту перестановку, что он только что описал.

— Организатор подтвердила лично, — сказал Игорь Аркадьевич, убирая телефон. — Зовут Марина Олеговна, она координатор всей программы, её номер я тебе сейчас продиктую на случай, если на месте возникнет ещё что-то неучтённое.

Я записал номер в тетрадь и отодвинул свой рабочий чехол от весов.

— В чехол этот груз не пойдёт, — сказал я. — Двадцать два килограмма семьсот граммов на плечах превратят первые шесть ступеней в лотерею, а на моём багажнике такой объём закроет заднее колесо и поднимет центр тяжести выше седла. Нужна низкая двухколёсная перевозка, где массу принимает ось.

— Есть магазинный прицеп, — ответил Игорь Аркадьевич и открыл дверь подсобки. — Наш прежний курьер возил на нём коробки с тиражами. С тех пор стоит сложенный. Паспортная нагрузка сорок килограммов, сцепка крепится к задней оси велосипеда.

Мы выкатили низкий двухколёсный прицеп с прямоугольной площадкой, бортами до колена и водонепроницаемым чехлом. Я прочитал табличку на раме: предельная масса сорок килограммов, собственная — шесть с половиной. Игорь проверил давление в обеих шинах, я осмотрел сварные швы, шплинт быстросъёмной сцепки и страховочную ленту. Сцепка села на левый конец задней оси моего велосипеда; шплинт прошёл через оба отверстия, лента отдельной петлёй легла вокруг пера рамы.

Два книжных блока по семь килограммов двести и семь килограммов пятьсот мы вдвоём уложили плашмя над осью прицепа, каждый в отдельный жёсткий лоток с тканевыми ручками. Подарочные три книги весом килограмм восемьсот легли в переднюю ячейку того же культурного комплекта. Коробку библиотеки в килограмм четыреста и коробку кафе в четыре килограмма восемьсот мы поставили по разные стороны продольной перегородки ближе к дышлу. Ни одна коробка не давила на другую. Две поперечные стяжки удерживали тяжёлые блоки, ещё две — лёгкие короба; водонепроницаемый чехол закрыл весь груз ниже верхней кромки борта.

Я прошёл с прицепом по двору, затем проехал один круг порожним темпом с двумя поворотами и спокойным торможением. Прицеп шёл по собственной колее, сцепка оставалась без люфта, тяжёлые блоки над осью не тянули руль в сторону. После круга контрольные риски на шплинте и гайке совпали.

— Первым — культурный центр, время открытия в семь, — сказал Игорь Аркадьевич, провожая меня к двери. — Вторым — библиотека, встреча в половину восьмого. Третьим — кафе, к восьми. У тебя в запасе почти пять часов до первой точки, но дорога сегодня, я слышал, тяжёлая — где-то на Садовом ремонт полосы, машины стоят.

— Выеду с запасом, — сказал я, ещё раз проверяя страховочную ленту сцепки. — Перед крыльцом культурного центра мне понадобятся две пары рук: там двадцать пять книг в двух блоках и шесть ступеней, а плечо сегодня грузчиком работать не будет.

Я позвонил Тамаре Игнатьевне и назвал груз точно: два блока по семь килограммов двести и семь килограммов пятьсот, плюс три подарочных книги отдельным пакетом. Она позвала к телефону двух сотрудников, Павла и Михаила, и договорилась, что оба встретят меня у крыльца за десять минут до прибытия. Павел повторил адрес, число блоков и время. Помощь стала частью приёмки до выезда, а не надеждой найти свободные руки у двери.

Дорога до культурного центра на Малой Бронной заняла почти час — Игорь Аркадьевич не преувеличил про ремонт. У перекрытой полосы я отказался от узкого прохода между стоящими машинами: прицепу требовалась своя ширина и плавная дуга. Велосипедный маршрут провёл меня через два соседних переулочка с открытыми поворотами. Я держал скорость ниже обычной, заранее учитывал дополнительный тормозной путь и после первых двух километров остановился на широкой площадке проверить шплинт, страховочную ленту и четыре стяжки. Контрольные риски совпали, коробка сохранили свои места.

На подъёме к эстакаде тяжесть спустилась от бёдер к икрам. Я перешёл на лёгкую задачу, снизил темп на треть и сообщил приложению новую оценку прибытия. Экономное вращение сохранило окно без рывка, который пришлось бы оплачивать остатком смены.

«Пятый день, — напомнил я себе, чувствуя, как дыхание срывается на неровный, короткий ритм на самом вершине эстакады. — Здесь не место для рекорда скорости. Груз хрупкий, времени достаточно, а тело уже отработало пять смен подряд без остановки — темп решаю я, а не гордость».

Я спустился с эстакады плавно, работая обоими тормозами короткими дозированными нажатиями и удерживая скорость заметно ниже обычной. Прицеп толкал велосипед вперёд всей массой, зато два его колеса сохраняли груз вертикальным; латунная табличка и свиток оставались в отдельном лёгком коробе у дышла. Ладони под перчатками начали слегка ныть от постоянного контроля над рычагами.

Независимый культурный центр оказался невысоким особняком с облупившейся, но ухоженной лепниной над входом — старое здание, явно пережившее не одну реставрацию, с деревянной резной дверью и широким крыльцом в шесть высоких, стёртых временем ступеней. Павел и Михаил уже ждали у нижней ступени. Я поставил велосипед на подножку, затянул стояночный ремень на колесе прицепа и пристегнул раму к перилам. Павел взял за две тканевые ручки блок в семь килограммов двести, Михаил — блок в семь килограммов пятьсот. Я понёс двумя руками только пакет трёх подарочных книг весом килограмм восемьсот. Все трое поднялись по крыльцу в один спокойный заход; прицеп с оставшимися двумя закрытыми коробами остался внизу под замком.

Внутри, в просторном зале с высокими потолками, кипела предпраздничная суэта — несколько человек расставляли стулья рядами, кто-то проверял звук у небольшой сцены в углу, и среди этого движения ко мне быстрым шагом подошла невысокая женщина лет пятидесяти в вязаном кардигане, с очками на цепочке, покачивающимися на груди.

— Вы от книжного магазина? — спросила она, окидывая взглядом два книжных блока и пакет подарочных изданий. — Я Тамара Игнатьевна, веду сегодняшний вечер, у меня расписано всё по минутам, а времени до открытия всё меньше.

«Ведущий клуба, занятый гостями и временем, — подумал я, вспоминая слова из карточки Игоря Аркадьевича. — Ей нужна не лекция о книгах, а быстрое, точное решение вопроса доставки, не отвлекающее её от подготовки зала».

— Комплект для открытия, — сказал я, доставая накладную из сухого кармана тетради. — Три экземпляра издания с лентой и книги для демонстрационного стола библиотечной коллекции — их сегодня хотят выставить у вас как анонс будущего фонда клуба.

Тамара Игнатьевна на секунду замерла, явно не ожидавшая второй части.

— Демонстрационный стол — это для меня новость, — сказала она, нахмурившись. — У меня в расписании стоит только вручение изданий на сцене, про отдельный стол мне никто не говорил.

«Расхождение внутри расхождения, — подумал я, не спеша с ответом. — Игорь Аркадьевич согласовал перестановку с координатором Мариной Олеговной, но, судя по всему, эта информация ещё не дошла до самой Тамары Игнатьевны, ведущей вечер здесь, на месте».

— Организатор программы, Марина Олеговна, подтвердила эту перестановку сегодня утром по телефону, — сказал я спокойно, доставая записанный номер из тетради. — Возможно, стоит уточнить у неё напрямую, прежде чем я найду место для стола сам — я не хочу расставлять чужую мебель в вашем зале без вашего согласия, это ваша часть работы, не моя.

Тамара Игнатьевна взглянула на номер, потом на часы, потом коротко кивнула, доставая свой телефон.

— Хорошо, звоню, — сказала она, отходя на пару шагов и набирая номер.

Разговор занял меньше минуты — я слышал только обрывки, но по интонации Тамары Игнатьевны, из настороженной ставшей примирительной, понял, что подтверждение пришло быстро.

— Да, действительно, Марина Олеговна сегодня утром решила это с вашим магазином, просто не успела предупредить меня лично, — сказала Тамара Игнатьевна, убирая телефон с явным облегчением в голосе. — Извините за заминку, у нас сегодня слишком много движущихся частей сразу. Стол для книг у нас есть свободный, вон тот, у левой стены, рядом с гардеробом — подойдёт?

Я взглянул на указанный стол — небольшой, накрытый белой скатертью, стоящий чуть в стороне от основного пространства зала, вдали от прохода к сцене.

— Подойдёт, если гости смогут его увидеть, не толкаясь у прохода, — сказал я. — Место спокойное, книги не помнут при случайном задевании локтем.

Я аккуратно выложил комплект книг для демонстрационного стола, разложив их веером, как обычно раскладывают в витрине, чтобы были видны обложки, а не только корешки, — не потому что это входило в мою задачу, а потому что аккуратная выкладка не требовала дополнительного времени, а разница между небрежной кучей и осмысленным веером была минутным жестом.

— Ой, как красиво вы разложили, — сказала Тамара Игнатьевна, взглянув на стол с неожиданным удовольствием. — Спасибо, у меня самой руки не дошли бы до такой мелочи сегодня.

Затем я передал ей три экземпляра издания с лентой, всё ещё упакованные в защитную бумагу, — Игорь Аркадьевич предупредил, что их разворачивают только на сцене, в момент самой церемонии, а не заранее.

— Эти — для вручения, разворачивать на сцене, — сказал я, протягивая накладную для подписи.

Тамара Игнатьевна расписалась быстрым, торопливым росчерком, уже поглядывая на настенные часы за моей спиной.

— Спасибо большое, — сказала она, забирая последний экземпляр и уже разворачиваясь в сторону сцены, где кто-то звал её по имени, требуя проверить микрофон. — Простите, что не могу поговорить дольше, у меня минут через двадцать первые гости придут.

— Не задерживаю, — сказал я, забирая подписанный бланк и убирая его в сухой карман тетради. — Хорошего вечера клубу.

Под ранними тучами я снял стояночный ремень, проверил замок, шплинт и две коробки. Пустые лотки остались у Павла и Михаила до следующего библиотечного рейса по разрешению Игоря Аркадьевича. Текущий груз я повёз в библиотеку в пяти кварталах от центра.

Глава 4

Дорога туда пошла в горку, короткую, но затяжную, и на середине подъёма голод дал о себе знать резким, неприятным подсасыванием под ложечкой — пирожок, съеденный после офисов, давно переварился, а следующая еда была не запланирована раньше конца маршрута. Я не стал останавливаться ради перекуса на ходу: впереди ждала Людмила Викторовна с её жёстким протоколом, и растягивать время между точками ради собственного желудка означало бы платить чужим расписанием за свою слабость. Вместо этого я коротко напомнил себе то, чем раньше гасил голод на затянувшихся переговорах, — сосредоточенное, ровное дыхание животом, четыре счёта на вдох, шесть на выдох, — и подсасывание отступило, не исчезнув, а просто перестав требовать немедленного внимания.

Библиотека встретила меня приземистым советским зданием с потрёпанной, но опрятной вывеской, и внутри, за высокой деревянной стойкой, стояла женщина лет шестидесяти в строгой блузке, с седыми волосами, собранными в тугую узел, — она подняла на меня взгляд поверх очков-половинок раньше, чем я успел подойти к стойке вплотную.

— Вы доставка от Игоря Аркадьевича? — спросила она с той особенной, чуть суховатой интонацией, с какой библиотекари обычно проверяют формальности прежде, чем перейти к делу.

— Да, — сказал я, ставя на стойку коробку весом килограмм четыреста и доставая накладную. — Людмила Викторовна?

— Верно, я заведу фондом, — она кивнула, принимая накладную и надевая очки полностью, чтобы прочитать текст внимательнее. — Здесь написано про памятную табличку и церемониальный свиток. А где книги для пополнения? У меня в утреннем письме от координатора стояло, что сегодня привезут двадцать пять экземпляров для новой коллекции клуба.

«Она защищает фонд и акт, — подумал я, вспоминая слова Игоря Аркадьевича. — Ей важна не церемония, а точность передачи имущества библиотеке, и расхождение с утренним письмом её насторожило сразу».

— Финальная версия программы изменилась сегодня утром, — сказал я спокойно, доставая записанный номер Марины Олеговны. — Игорь Аркадьевич согласовал это лично с координатором: книги для фондового пополнения сегодня едут в культурный центр, на демон-

страционный стол открытия, а к вам физически переедут отдельным визитом через неделю. Сегодня у вас — памятная табличка и церемониальный свиток для вручения при главе управы.

Людмила Викторовна нахмурилась, снимая очки и постукивая ими по стойке — жест человека, которому не нравится, когда план меняется в последний момент, даже если сама перестановка объяснена разумно.

— Мне об этом никто не сообщал, — сказала она сухо. — У меня в акте приёма стоит перечень книг, а не таблички. Прежде чем принимать что-либо не по акту, я должна получить подтверждение от координатора напрямую — таков порядок работы с любым имуществом, входящим в фонд или связанным с публичным мероприятием на нашей площадке.

«Правильное требование, а не каприз, — подумал я, глядя на неё с уважением, а не с раздражением. — Она защищает процедуру, которая существует не просто так, а чтобы никто потом не мог сказать, что библиотека приняла что-то без надлежащего документа».

— Полностью согласен, — сказал я. — Вот номер Марины Олеговны, координатора программы, она подтверждала перестановку лично сегодня утром — предлагаю позвонить ей при мне, чтобы всё было ясно до передачи, а не после.

Людмила Викторовна взяла листок с номером, набрала его на стационарном телефоне за стойкой и, дождавшись ответа, коротко и по-деловому изложила ситуацию — я слышал только её половину разговора, суховатую и точную, без единого лишнего слова.

— Да, поняла, — сказала она наконец, кладя трубку. — Марина Олеговна подтвердила: табличка и свиток сегодня, книги фонда — через неделю отдельной поставкой, с отдельным актом. Извините за задержку, молодой человек, но с документами на входящее имущество мы порядок не нарушаем никогда, даже в спешке перед мероприятием.

— Правильно делаете, — сказал я, придвигая к ней коробку с табличкой и свитком. — Учёт точного номера или описания предмета до передачи — это не бюрократия, это то, что потом экономит всем время, когда что-то приходится сверять.

Людмила Викторовна впервые за разговор чуть смягчилась, взглянув на меня с коротким любопытством.

— Редко слышу такое от курьера, — сказала она, открывая коробку и осторожно доставая латунную табличку, разворачивая защитную плёнку. — Обычно норовят просто сунуть коробку и уехать поскорее.

Она внимательно осмотрела табличку — провела пальцем по гравировке, проверила отсутствие царапин на латуни, затем развернула свиток, проверяя, не помялась ли плотная бумага в дороге.

— Табличка без повреждений, свиток в порядке, — сказала она, убирая оба предмета в специальный шкаф за стойкой, судя по всему, предназначенный для хранения ценных экспонатов до момента их использования. — Расписываюсь в приёме.

Она поставила подпись в накладной аккуратным, разборчивым почерком, и протянула бланк обратно мне.

— Глава управы приедет к половине восьмого, табличка будет готова к вручению, — сказала она уже другим, чуть менее формальным тоном. — Спасибо за терпение с проверкой, я понимаю, что это отняло у вас время.

Я сверил исправленное имя гостя, показал строку отправителю и только после его кивка убрал бланк в сухой карман: — На публичном событии точность важнее минуты. Теперь везу. Хорошего вечера с управой.

Я вышел из библиотеки, сложил пустую коробку, закрепил её под сеткой прицепа и взглянул на часы — время подходило к половине восьмого, а мне ещё предстояла третья, последняя точка. Голод к этому моменту вернулся уже настойчивее, с лёгким подрагиванием в пальцах, тем самым знакомым дрожанием, что напоминало о прежней жизни тела больше, чем хотелось бы признавать, — я остановился у ларька на углу, купил бутылку воды и энергетический батон-

чик, отсчитал сто семьдесят рублей мелочью из кармана и съел батончик стоя, в три коротких укуса, не тратя на это больше минуты.

После половины батончика дрожь начала отпускать, пульс выровнялся, а боль не появилась. Я записал время и причину: голод, не перегрузка. Остаток съел до выезда и перенёс следующий контроль на час, чтобы не спутать симптомы второй раз.

Книжное кафе оказалось небольшим уютным помещением с приглушённым светом, деревянными полками вдоль стен, заставленными книгами вперемешку с сушёными цветами в узких вазах, и барной стойкой, за которой возился невысокий мужчина лет тридцати пяти в фартуке поверх клетчатой рубашки, расставляя бокалы рядами.

— Доставка для литературной части, — сказал я, ставя на стойку коробку весом четыре килограмма восемьсот граммов, которую донёс от запертого у входа прицепа обеими руками. — Вы, наверное, хозяин кафе?

— Да, Сергей, — он вытер руки о фартук и подошёл ближе, взглянув на коробку с явным интересом. — А, наконец-то, я уже начал волноваться, у нас через полчаса первые гости придут с открытия и библиотеки, а стойка для книг ещё не готова.

— Комплект здесь, — сказал я, снимая бордовую ленту с крышки. — Карточки с цитатами для игры, десять экземпляров сборника малой прозы и разборная стойка-подставка для выкладки — три части, хрупкая на стыках.

Сергей открыл коробку и начал доставать содержимое, раскладывая карточки стопкой на барной стойке.

— А у меня по плану сегодня должно было быть двадцать экземпляров сборника, не десять, — сказал он, пересчитав книги вторично, явно с растущим беспокойством в голосе. — У меня список выступающих сегодня расширился буквально час назад, добавился ещё один местный автор, который приведёт с собой человек десять своих читателей, и я обещал каждому по экземпляру на входе — с десятью я не наберу столько.

«Второе изменение программы в третьей точке подряд, — подумал я, чувствуя, как внимание снова собирается в одну точку. — Не моя самостоятельность решает, сколько книг привезти дополнительно — решение о списке выступающих и количестве экземпляров должно пройти через того же координатора, а не через мою догадку на месте».

— Список выступающих менялся официально или это ваша собственная договорённость с автором? — спросил я.

— Автора добавила сама Марина Олеговна, координатор, буквально днём, — сказал Сергей, доставая телефон и пролистывая переписку. — Вот, у меня есть от неё сообщение — «добавляем ещё одного автора, экземпляры для раздачи уточню отдельно».

— Значит, финальное число экземпляров должна подтвердить она же, а не я на глаз, — сказал я. — У меня в накладной стоит десять, ровно столько я привёз, и я не могу выдать вам больше того, что физически есть в этой коробке. Но я могу позвонить ей прямо сейчас и уточнить, ожидает ли она, что я доведу оставшиеся десять отдельным заездом, или это уже её ответственность закрыть разницу другим способом.

Сергей выдохнул с явным облегчением.

— Было бы отлично, — сказал он. — А то я уже прикидывал, не бежать ли самому в ближайший книжный за добавкой, а у меня открытие через полчаса, бежать некуда.

Я набрал номер Марины Олеговны — на этот раз мне ответили сразу, деловым, чуть уставшим женским голосом.

— Марина Олеговна, это курьер от книжного магазина Игоря Аркадьевича, — сказал я. — Я на точке кафе, здесь недостаёт десяти экземпляров сборника из-за добавленного в последний момент автора. У меня в первоначальной накладной стоит десять штук, доставленных полностью. Как вы хотите закрыть разницу?

— Ох, точно, забыла предупредить книжный про количество, — сказала она после короткой паузы. — Скажите Сергею, пусть не переживает — гостям без сборника я лично раздам распечатанные отрывки, у меня в сумке как раз есть запасной комплект для такого случая, я всегда беру с собой на мероприятия. Десяти книг для основных участников клуба хватит с запасом, а гостям нового автора хватит распечаток на сегодня, я потом доведу им бумажные экземпляры отдельно на следующей встрече.

Я передал разговор Сергею дословно, и он заметно расслабился, убирая телефон обратно в карман фартука.

— Тогда всё в порядке, — сказал он. — Спасибо, что не стали сами решать это на глаз, а сразу уточнили у неё.

— Не моё дело было решать за координатора программы, сколько книг реально нужно, — сказал я. — Моя часть — довести то, что указано в документе, целиком.

Сергей начал собирать разборную стойку-подставку, аккуратно соединяя три части друг с другом, и я, увидев, что одно из креплений садится туго, придержал нижнюю часть, пока он совмещал верхнюю.

— Спасибо, — сказал он, наконец защёлкнув последнее крепление и тут же убрав ладонь, чтобы не давить на тонкую стойку после щелчка. — Она правда хрупкая на этом стыке, я вчера уже одну такую сломал на репетиции.

Он расставил карточки веером у основания стойки, водрузил сверху десять экземпляров сборника, и отступил на шаг, оценивая результат.

— То, что надо, — сказал он. — Распишитесь здесь?

Я протянул накладную, он расписался, и я забрал подписанный бланк — последний из трёх, теперь лежавший в сухом кармане тетради вместе с двумя предыдущими.

— Хорошего вечера кафе, — сказал я, складывая пустую коробку и забирая её обеими руками.

— Спасибо вам, честно, — сказал Сергей, провожая меня к двери. — Обычно доставки просто сваливают коробку и убегают, а вы разбирались во всей путанице вместе со мной.

Я вышел на улицу, где уже полностью стемнело, и достал телефон, чтобы позвонить Игорю Аркадьевичу — сначала о первых двух точках, потом о последней с добавленным автором.

— Все три доставлены, все три подписаны, — сказал я, когда он ответил. — В культурном центре подтвердили перестановку через звонок Марине Олеговне на месте, у Тамары Игнатьевны сомнений не осталось. В библиотеке Людмила Викторовна тоже сверилась напрямую с координатором перед приёмкой — очень строго держит процедуру приёма имущества, но приняла без единого замечания после звонка. В кафе оказалась ещё одна неучтённая деталь — добавленный автор и десять недостающих экземпляров, тоже решили звонком координатору, Марина Олеговна закрывает разницу распечатками сама.

Игорь Аркадьевич перечеркнул старые строки и прикрепил исправления к коробкам: — Три расхождения поймали до выезда. Спасибо, что звонили, а не угадывали за нас; теперь получатели увидят именно согласованное.

— Решать за клиента не моя работа, моя работа — довести целым и выяснить у того, кто отвечает за программу, если что-то не сходится, — сказал я.

— Именно поэтому я хочу закрепить тебя за этим маршрутом постоянно, — Игорь Аркадьевич отодвинул трубку от уха на мгновение; я услышал, как он перелистывает свою копию программы. — Но сначала закроем сегодняшний расчёт так же чисто, как документы. Я сейчас сообщу Марине Олеговне, что все три подписи у тебя на руках. Она переводит Оксане полный оборот — три тысячи рублей, Оксана удерживает триста и выдаёт тебе две тысячи семьсот. Заезжай завтра или в понедельник, тогда отдельно поговорим про регулярность; сегодняшний рейс будущими обещаниями не оплачивается.

— Верно, — я прижал ладонью сухой карман тетради с тремя подписанными бланками. — Сначала три бумаги, один перевод, один расчёт. Потом разговор о следующей работе.

— Вот за это я тебя и хочу снова видеть у прилавка, — Игорь Аркадьевич шумно выдохнул, уже набирая на другом телефоне номер организатора. — Доезжай к Оксане. Я подтверждение ей тоже дам, но подписи она проверит у тебя сама.

Я убрал телефон, сложил пустую коробку кафе и закрепил её рядом с библиотечной. До «Листка» оставался один возврат без нового груза; я сообщил время прибытия, снизил темп и закрыл день действием, которое возвращало чужое снаряжение владельцу.

Глава 5

Порожний прицеп шёл ощутимо легче, но я сохранил тот же широкий радиус поворотов. Игорь Аркадьевич встретил меня у дверей, проверил оба колеса, сцепку, шплинт и чехол. Я передал ему прицеп и два сложенных короба; лотки книжных блоков остались в культурном центре до следующей перевозки, как он разрешил до выезда. В строке временной выдачи он поставил время возврата и подпись. Двадцать два килограмма семсот граммов весь маршрут принимали колёса и ось; плечо работало только на коротких переносах лёгких коробов и продолжало гудеть после утренних офисных боксов.

От магазина до диспетчерской дорога заняла двенадцать минут. Оксана уже держала папку «Листка» раскрытой, но конверт с наличными лежал сбоку, под её ладонью: она не начала расчёт со слов по телефону.

— Культурный центр, — сказала она, принимая первую карточку и проводя пальцем по вписанному изменению программы. — Тамара Игнатьевна, подпись есть, книги и подарочные экземпляры приняты. Библиотека — Людмила Викторовна, табличка и свиток, подпись есть. Кафе — Сергей, литературный комплект, подпись есть. На каждой карточке стоит сегодняшний адрес, время и живой получатель. Три из трёх.

Она выровняла карточки по верхнему краю, чтобы ни одна не спряталась под соседней, затем достала телефон. На экране уже висело уведомление о входящем переводе, но Оксана всё равно открыла самую операцию, сверила имя отправителя и повернула телефон ко мне.

— Организатор перевёл ровно три тысячи рублей после подтверждения Игоря Аркадьевича, — она постучала ногтем по одной строке, где стояли сумма и текущее время. — Не раньше документов и не второй раз через магазин. Полный оборот пришёл мне один раз. Триста рублей — комиссия диспетчерской. Две тысячи семсот — твои наличными.

Только теперь она отодвинула папку, открыла кассовый ящик и отсчитала купюры на чистую поверхность стойки: две тысячные, одну пятисотенную и две сотенных. Я пересчитал сумму, передвинул деньги к себе и расписался в строке пятничного рейса. Оксана дождалась подписи, закрыла кассу и вложила три карточки в один прозрачный карман.

— Деньги пятницы по «Листку» закрыты, — сказала она, прижимая ладонью край папки, чтобы вечерний ветер не поднял бумаги. — Три тысячи пришли. Триста остались здесь. Две тысячи семьсот выданы тебе. Теперь эту сумму вспоминаем только при сверке, но через руки она больше сегодня не ходит.

Я пересчитал купюры один раз при свидетеле, записал сумму и убрал их отдельно от дорожной мелочи: — Прекрасно. Сегодня деньги знают, сколько раз им разрешено существовать; для нашей бухгалтерии это уже культурное мероприятие.

Оксана хмыкнула, но вместо ответа вынула из нижнего отделения папки тот самый единый лист, на котором вчера собственноручно поставила «4 из 5». Свежая запись не расплылась, рядом оставалось ровно одно свободное место.

— До расчёта я его не трогала, — сказала она и положила рядом пять карточек-доказательств, не превращая одну сегодняшнюю поездку по трём адресам в три шага. — Смотрим коротко, по дням, чтобы потом никто не сочинил себе лишнюю шкалу. Понедельник — Алина Сергеевна. Вторник — «Листок». Среда — «Листок». Четверг — Алина Сергеевна. Пятница — «Листок», сегодняшние три площадки одним согласованным рейсом.

Она касалась пальцем каждой карточки лишь один раз. Понедельничная цветочная накладная легла первой. Вторничная книжная — второй. Среда сохранила отдельную подпись другого получателя. Четверг держался на возвратном акте трёх каркасов и подписи Алины Сергеевны. Пятничные три карточки Оксана оставила в одном прозрачном кармане, потому что договор, цена и публичное событие у них были общими.

— Пять доказанных повторов, — она приложила линейку к строке, зачеркнула вчерашнюю четвёрку одной аккуратной чертой и вывела рядом «5 из 5». — Закрыто сейчас: после трёх подписей, полного перевода в три тысячи и твоей выплаты в две семьсот. Вчера было четыре. Утром сегодня было четыре. До последней подписи было четыре. Теперь — пять.

Я смотрел не на цифру, а на пять физических следов под ней. Каждый шаг имел день, клиента, бумагу и расчёт. Три пятничных адреса не раздули счёт, а один перенос Алины на субботу не стал ложным доказательством заранее.

— Марина Олеговна тоже звонила, — Оксана убрала ручку, но единый лист ещё не закрыла. — Сказала, что редко видела курьера, который трижды за вечер сам находит ответственного организатора, а не либо молча привозит не то, либо молча уезжает. Игорь Аркадьевич хочет обсуждать регулярность отдельно. Согласие на будущие рейсы сегодня из воздуха не делаем.

— Передай им, что к разговору готов, — я провёл ногтем по краю прозрачного кармана с пятничными карточками. — Пять из пяти дало нам доказательство порядка. Оно не выдало бессрочный договор задним числом.

Именно в этот момент, когда Оксана закрыла папку и бумажная цифра исчезла под серой обложкой, на краю моего зрения появилась спокойная янтарная точка. Оксана потянулась к кассовому ящику за резинкой и прошла взглядом сквозь неё, ничего не заметив. Метка принадлежала только моему восприятию и не пыталась заменить собой вывеску, адрес или человеческий разговор.

Она коротко подсветила одну земную возможность осмотра: демонстрационный «Термо-проф Дуо-45», склад «Кейтеринг-Сервис», 2-я Кабельная улица, дом 2, строение 15, суббота, десять утра. Две отдельные камеры. Паспорт изделия. Возвратный экземпляр после реальной эксплуатации. Ни цены, ни обещания покупки, ни готового решения метка не дала — только место, время и право приехать обычным покупателем.

Я моргнул. Янтарная точка погасла, а на стойке остались Оксана, папка и деревянная кромка, стёртая тысячами чужих локтей.

— Что увидел? — Оксана прищурилась, заметив, что я задержал взгляд на пустом углу стойки.

— Завтрашний осмотр рабочего оборудования, — я достал тетрадь и записал адрес точно, включая дом и строение. — Пока только осмотр. Сегодняшнюю кассу ради вещи, которую я ещё не держал руками, заранее не хороню.

— Разумно, — она натянула резинку на папку. — Алина Сергеевна ждёт перенесённую композицию в субботу. Сначала разведи время с ней, потом любуйся техникой. Цветы плохо понимают, что у покупателя внезапно началась промышленная революция.

— Цветы вообще отвратительно ведут переговоры, — я спрятал тетрадь во внутренний карман. — Стоят молча, увядают без предупреждения и всё равно заставляют уступить.

Я вышел из двора диспетчерской и покатил домой той же неспешной дорогой, какой обычно возвращался в конце смены, — только сегодня в теле было не просто накопленное за день, а накопленное за пять дней подряд усталости, тяжёлым, ровным грузом расходящееся от поясницы вниз к стопам.

Дома я поставил велосипед у стены, стянул графитовые «Скетчерс», провёл пальцем по внутренней подошве — заметная, но не критичная потёртость на левом носке, первая за пять дней носки, — и сел за стол с тетрадью для вечерней сверки.

Прежде чем писать цифры, я провёл ладонями по голеним и почувствовал, что пустая, стеклянная усталость утра сменилась обычной рабочей тяжестью, без острых сигналов. Плечо гудело тем же ровным низким гулом, что и утром, но не громче. Кисти сжались в кулак почти полностью, с лёгким сопротивлением на последних градусах.

«Тело выдержало день целиком, — заключил я. — Ни один узел не сорвался в перегрузку, несмотря на пять дней подряд без остановки».

— Касса утра пятницы — тридцать тысяч шестьсот сорок восемь, — сказал я вслух, открывая тетрадь. — Офисная выплата после двух заездов — плюс две тысячи пятьсот. «Листок» после трёх подписей — плюс две тысячи семьсот. Киоск у диспетчерской: пирожок и вода — минус сто восемьдесят. Ларёк между библиотекой и кафе: вода и батончик — минус сто семьдесят.

Оба расхода уже лежали передо мной чеками, каждый из своей прожитой остановки. Я не выдумывал вечером недостающую покупку и не исправлял заранее известную арифметику задним числом. Сложил доходы один раз: тридцать тысяч шестьсот сорок восемь плюс две тысячи пятьсот плюс две тысячи семьсот — тридцать пять тысяч восемьсот сорок восемь. Сложил расходы: сто восемьдесят плюс сто семьдесят — триста пятьдесят. Вычел их из общей суммы.

— Тридцать пять тысяч четыреста девяносто восемь, — сказал я, обводя итоговую сумму дважды. — Внутри тысяча двести бытового резерва, неприкосновенного. Остальное — заработанный за пять дней подряд оборотный капитал.

Я закрыл тетрадь и поднялся к окну. За стеклом совсем стемнело, а в кухне всё ещё лежал запах остывшей овсянки, которую я не успел вымыть из кастрюли утром. Пятничный рубеж уже был закрыт у стойки Оксаны, при бумагах и деньгах; дома я не выдавал ему вторую торжественную жизнь. Передо мной оставалась обычная суббота с двумя делами, которые требовалось развести по времени.

Я снова открыл запись с янтарным адресом и прочитал её как любой контакт поставщика: «Термопроф Дуо-45», «Кейтеринг-Сервис», 2-я Кабельная улица, дом 2, строение 15, десять утра. Возможность осмотра была заработанной дверью, но за дверью ещё мог оказаться треснувший корпус, чужой серийный номер, умерший уплотнитель или продавец, влюблённый в собственную цену сильнее, чем в правду о товаре.

— Сначала паспорт и причина возврата, — проговорил я, ставя возле адреса маленькую точку карандашом. — Потом швы, замки, уплотнители, камеры, вес и примерка к багажнику. Решение приму после проверки. До неё эта вещь принадлежит складу, а мои деньги принадлежат мне.

Плечо под лопаткой отозвалось тупым напоминанием о двух утренних офисных заездах, управлении велосипедом с прицепом и коротком переносе коробки кафе от двери до стойки. Двадцать два килограмма семьсот граммов книг и оборудования весь вечер принимала ось прицепа, а не спина. Двухкамерный бокс мог бы однажды объединить горячую и холодную части в одну дорогу, но мог и добавить почти девять килограммов сухого веса к телу, которое уже шестой день просило осторожности. Польза и нагрузка стояли на одной строке, поэтому осмотр был нужен не для ритуала, а для взрослого отказа, если хотя бы одна физическая вещь не сойдётся.

Я вернулся к столу, достал тетрадь и открыл её на новой странице, где обычно записывал планы следующего дня.

— Суббота, — сказал я вслух, записывая по пунктам. — До полудня — Алина Сергеевна, перенесённая композиция на Ленинский, цена прежняя, без штрафа. Десять утра — склад кейтерингового оборудования, осмотр термобокса, без покупки, без обещаний себе заранее.

Я остановился, глядя на две строки, стоящие рядом друг с другом на одной странице, и почувствовал, как холодная деловая часть меня уже примеряется к неизбежному конфликту расписания.

«Оба времени близко, — подумал я. — Алина Сергеевна ждёт меня с утра, до полудня, и композицию нужно довести аккуратно, без спешки, тем же вертикальным способом, каким я вёз её в четверг. Осмотр термобокса в десять — тоже не то дело, которое делают между делом, по пути, с чужим грузом за спиной. Это разные задачи, требующие разного внимания, и физически я не могу быть в двух местах одновременно с одинаковым качеством».

Я взял карандаш и, чуть подумав, развёл две строки по времени на бумаге — не решая прямо сейчас, что идёт первым, а лишь фиксируя сам факт, что развести их придётся, и решение об этом будет завтрашним утром, а не сегодняшним вечером на усталую голову.

— Разведено по времени, — сказал я вслух, закрывая тетрадь. — Решение — завтра, на свежую голову, а не сейчас, когда тело просит только одного — лечь.

Я подошёл к окну в последний раз, глядя на тёмный двор, где фонари уже горели ровным жёлтым светом, и почувствовал, как в теле впервые за неделю не осталось ни одной невыполненной задачи дня — только предстоящий короткий сон и ясное, спокойное завтра, в котором предстояло развести по времени два дела, ни одно из которых нельзя было делать наспех.

В субботу первым проснулось левое предплечье: оно затекло под одеялом и вернуло меня из тяжёлого сна раньше будильника. Я не вскочил, а несколько секунд лежал неподвижно и слушал остальное тело тем же способом, каким пять дней подряд принимал его утренний доклад.

«Раньше обычного, — подумал я, чувствуя на языке сухую вязкость сна. — Но не потому что тело вдруг решило восстановиться за одну ночь. Просто голова проснулась быстрее ног».

Пятка отозвалась знакомым тупым фоном, без остроты — вчерашняя усталость улеглась в мышцы ровным слоем, как будто её распределили по всей стопе поровну, вместо того чтобы держать одной точкой боли. Я согнул пальцы правой кисти — дошли до половины дуги, замерли, но замерли мягче, чем вчера, без того сухого сопротивления сустава, что было в пятницу утром. Плечо тянуло вдоль лопатки узкой полосой — не гулом трансформаторной будки, а тонкой, почти забытой нитью, которая напоминала о трёх коробках вчерашнего вечера, но не требовала внимания больше секунды.

— Живой, — сказал я вслух, садясь на край матраса по частям, сначала торс, потом ноги, тем же порядком, каким садился каждое утро последней недели.

Я не спешил вставать. Посидел, упираясь ладонями в колени, слушая, как позвоночник щёлкает не одним долгим протестующим скрипом, а короткой чередой отдельных, мелких щелчков — тело будто проверяло себя по позвонку, соглашаясь на движение постепенно, а не разом.

«Шестой день подряд без полного выходного, — подумал я, вставая и держась рукой за стену ровно столько, сколько потребовалось, чтобы вертикальное положение перестало казаться рискованным решением. — Но это шестой день, идущий сразу после закрытого рубежа. Тело не знает про рубеж. Тело знает только про усталость и про то, что сегодня снова нужно выходить».

На кухне я включил чайник и достал из шкафа овсянку, отмеряя привычную порцию, — и в этот момент рука, тянувшаяся за банкой, замерла на полпути, потому что голова уже прокручивала не завтрак, а расписание дня.

Глава 6

— Алина Сергеевна ждёт первым рейсом, склад — к десяти, — сказал я вслух, ссыпая хлопья в кастрюлю. — До девяти цветы должны быть вручены, а не только вынесены из студии. Значит, утро считаем от подписи получателя назад.

Я достал телефон, всё ещё стоя у плиты, и открыл вчерашнюю запись в тетради, лежавшей рядом на столе, — две строки, разведённые карандашом накануне вечером без итогового решения. Часы на экране показывали без десяти семь.

«Обычная студия открывается позже, но вчера я обещал конкретный ранний слот и сам должен согласовать служебную выдачу, — подумал я, вспоминая пятничный разговор. — Склад ждёт к десяти, и это время техника, который откроет демонстрационный фонд по записи. Порядок один: сначала закрыть перенесённую Алину до девяти, получить живую подпись, потом ехать на осмотр без чужого хрупкого груза за спиной».

Я помешал овсянку деревянной ложкой, глядя, как хлопья медленно разбухают в кипятке, и набрал номер Алины Сергеевны — не текстовым сообщением, а голосом, тем же способом, каким вчера звонил ей сам, а не через Оксану.

Гудки шли недолго. Алина Сергеевна ответила на третьем; на заднем плане щёлкнул замок и загудела холодильная витрина — она уже пришла к служебному входу раньше основной смены.

— Лев? — она придержала телефон плечом; я услышал, как по металлическому столу скользнула транспортная коробка. — Я как раз снимаю ночные показания витрины. Выезжаете?

— Выезжаю после завтрака, — я убрал ложку в сторону и сел за стол, чтобы записать точные минуты. — Хочу закрыть перенос до девяти, а не прятаться за вчерашним обещанием «до полудня». Когда служебная выдача будет готова и когда Николай Петрович физически откроет дверь?

— Служебный вход открою в половине восьмого, — Алина Сергеевна повернула к телефону лист; бумага зашелестела совсем близко. — Николай Петрович обычно приходит к восьми, но после вчерашнего переноса я позвонила ему ещё вечером. Сегодня он будет без

десяти восемь и примет лично. От студии до его салона полтора километра. Если пойдёте рядом с велосипедом и удержите кашпо в руках, успеете с запасом.

«Она уже развела своё утро с моим, не превращая ранний приход в услугу, которой потом можно попрекнуть, — подумал я. — Та же точность, с которой она защищала номера каркасов и свежесть лилий».

— Половина восьмого меня устраивает, — я записал три точки: семь тридцать — выдача, семь пятьдесят — приём, до половины девятого — возврат документа. — Заберу композицию, довезу на Ленинский, вручу и вернусь к вам с подписанной карточкой до основной смены.

— Получатель в курсе, — она передвинула что-то тяжёлое по столу, вероятно кашпо в коробке. — Вчера вечером я сама назвала ему сегодняшней ранний час. Он не обрадовался переносу, но согласился открыть салон раньше обычного и принять лично. После подписи верните карточку мне: я переведу Оксане полный оборот, и вы сразу рассчитаетесь у её субботней стойки.

«Не обязан радоваться, — подумал я. — Обязан получить целую композицию в обещанный час, и это единственное, что я контролирую в этом разговоре».

— Понимаю, — сказал я. — Постараюсь, чтобы результат сгладил неудобство переноса.

— Тогда до половины восьмого, — Алина Сергеевна закрыла витрину, и гул снова стал ровным. — Приходите к служебному входу, там же, где в четверг.

Я убрал телефон, вернулся к остывающей овсянке и доел её быстро, без вчерашней неспешности, — утро уже начало сжиматься в конкретный порядок дел, и расслаживаться за столом означало красть минуты у более важного.

Выпил стакан воды, потом второй, поднялся и подошёл к окну — небо за стеклом было светлее, чем вчера, с редкими просветами между тучами, будто суббота решила дать городу немного солнца в награду за пятничный ремонт дороги.

Я достал тетрадь, раскрыл на последней записанной странице и провёл карандашом по вчерашней итоговой цифре, обводя её в третий раз, тем же движением, каким закреплял цифры каждое утро.

— Касса утра субботы, — сказал я вслух. — Тридцать пять тысяч четыреста девяносто восемь. Внутри — тысяча двести бытового резерва, неприкосновенного.

Цифра стояла ровно, без сомнений и без праздника — просто факт, такой же, как пятка, как плечо, как погода за окном.

Я натянул спортивные штаны, куртку и присел на низкую скамейку у двери за графитовыми «Скетчерс». Провёл пальцем по внутренней подошве — заметная потёртость на левом носке, замеченная ещё вчера вечером, не углубилась, осталась той же царапиной привычки, а не разрушением.

«Ещё день-два, и эта пара честно заслужит смену, — подумал я, завязывая шнурки крест-накрест. — Но не сегодня. Сегодня она ещё держит».

Я вышел во двор, оседлал рабочий велосипед — тот самый, привычный, с седлом, разношенным под мой вес за две недели, — и покатыл в сторону студии Алины Сергеевны. Пустой заёмный модуль оставался на багажнике: текущая серия повторов закрылась вчера, поэтому сегодня чужая оснастка ехала к владелице последним обязательным грузом. С Оксаной расчёт предстоял после живой подписи: до неё субботняя тысяча восемьдесят существовала только в условиях, а не в моей кассе.

Дорога заняла пятнадцать минут — суббота отпускала улицы легче, чем будний день, машин было меньше, светофоры реже держали на красном дольше положенного. Я приехал к служебному входу студии без пяти минут половина восьмого, и Алина Сергеевна уже стояла у двери, придерживая её плечом, с той же деловой собранностью, что и в четверг.

Прежде чем заходить, мы вдвоём сняли с багажника пустой модуль и кассету. Алина проверила замки, дно и крепления, расписалась в моей тетради за возврат и поставила оснастку у

стены мастерской. Серия закончилась вчерашним пятым повтором; лёгкая субботняя коробка требовала другого способа перевозки и не давала мне права держать чужую вещь ещё неделю ради удобства.

— Точно, — она взглянула на часы и открыла дверь шире. — Заходите. Композицию вынем из витрины при вас, чтобы состояние до упаковки видели оба, а не вспоминали потом каждый своё.

Она провела меня в глубину студии, туда же, где в четверг разбирала стеклянные вазочки для алюминиевых каркасов. У задней стены гудела невысокая холодильная витрина, за стеклянной дверцей которой стояла одна-единственная композиция — плотный, невысокий букет в округлой керамической кашпо, где белые лилии соседствовали с тёмной зеленью эвкалипта и несколькими стеблями фрезии, ещё туго свёрнутыми, но уже с намёком раскрыться к вечеру.

«Не свадебный размах, не парадная витрина, — подумал я, разглядывая композицию тем же взглядом, каким в четверг оценивал алюминиевые каркасы. — Компактная работа для витрины салона — она должна цеплять взгляд прохожего с улицы, а не давить масштабом».

Алина Сергеевна открыла дверцу витрины, провела пальцем по краю ближайшего лепестка лилии, чуть сдвинула стебель фрезии, поправляя угол наклона, и только после этого аккуратно приподняла кашпо обеими руками.

— Смотрите сюда, — сказала она, поворачивая композицию так, чтобы свет падал на лепестки под другим углом. — Лилии держатся хорошо, раскрытие идёт по графику, не быстрее и не медленнее ожидаемого. Час-полтора у нас ещё есть в запасе даже без спешки, но лишний час без надобности я не хочу тратить — витрина ждёт с утра, а получатель настроен насторожённо после переноса, и чем раньше он увидит целую композицию своими глазами, тем быстрее насторожённость сойдёт на нет.

— Логично, — сказал я. — Едем сейчас же, без задержки.

Она достала из-под стола плотную транспортную коробку с решётчатым дном — не ту жёсткую упаковку из пенопласта, что я вёз в понедельник, а более лёгкую конструкцию с боковыми прорезями для вентиляции.

— Дно решётчатое специально, — сказала Алина Сергеевна, укладывая композицию в коробку и фиксируя кашпо двумя мягкими распорками по бокам. — Лилии не любят духоту в закрытой коробке даже на короткое расстояние, им нужен воздух, иначе конденсат оседает на лепестках и оставляет пятна. Держите коробку строго вертикально, ни в коем случае не кладите набок, даже на секунду.

— Понял, — сказал я, принимая коробку обеими руками и сразу же проверяя баланс — вес был небольшим, но распределённым неровно, с явным перевесом в сторону кашпо. — В рюкзак не помешу, повезу в руках, на багажнике не рискну — тряска по брусчатке возле Ленинского слишком неровная для решётчатого дна.

Алина Сергеевна кивнула, явно одобряя решение без лишних слов.

— Тогда велосипед ведёте рядом, а не едете верхом, — сказала она. — Полтора километра, минут пятнадцать пешком, но зато композиция доедет без единого сотрясения.

«Она права, и это не обсуждается, — подумал я, взвешивая коробку в руках ещё раз. — Скорость здесь не главная переменная. Главная переменная — целостность».

— Пятнадцать минут пешком меня устроят, — я посмотрел на часы и подхватил коробку снизу обеими ладонями. — К его двери подойду до восьми. Девять часов увидят уже подписанную карточку, а не меня с красивыми объяснениями на тротуаре.

Я вышел из студии, прижав коробку длинной стороной к груди. Левое предплечье легло под дно и приняло вес, ладонь удерживала дальний нижний угол; правой рукой я взялся за руль рабочего велосипеда, а верхний край короба придерживал локтем и грудью. Хват получился неудобным, зато у каждой руки оставалась одна задача. Тротуар был влажным после ночного

дождя, но не скользким, и я шёл размеренным шагом, глядя себе под ноги чаще, чем вперёд, — трещина в асфальте или бордюрный выступ сейчас были опаснее любого светофора.

К середине пути руки начали затекать от неудобного положения — не от веса самой композиции, а от статичного напряжения удерживать коробку строго горизонтально при том, что тело просило переложить её иначе, привычнее. Я остановился на минуту у пешеходного перехода, дождался зелёного, перехватил коробку чуть плотнее к груди, и почувствовал, как плечо, вчера гудевшее ровным низким гулом, коротко откликнулось узкой полосой напряжения — тем же местом, что и утром.

«Не перегрузка, — подумал я, продолжая движение. — Просто вчерашняя усталость ещё не выветрилась полностью, и любая статичная нагрузка сегодня отзывается быстрее обычного. Это не повод остановиться. Это повод не геройствовать и держать темп ровным».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.